

Алексей Константинов
Белый налив

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Константинов

Белый налив

<https://litres.ru/73996138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ему 28. Он слышит голоса. Они велят убивать.

Ей 26. Она могла уйти. Не ушла.

Следующие 40 лет — война. С диагнозом F20.0. С собой. За него.

Таблетки. Срывы. Дача. Яблоня. И фраза на ночь: «Мы — вместе».

Это не история болезни. Это история любви, которая оказалась сильнее болезни.

Роман без романтики. Без купюр. 18+.

Если у вас в семье есть психически нездоровый человек — прочитайте. Если нет — прочитайте тем более.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Константинов

Белый налив

Глава

Описание болезни, жизненных событий и переживаний бывшего пациента психиатрической лечебницы с диагнозом параноидная шизофрения

ВНИМАНИЕ!

1. Возрастное ограничение: 18+. Книга содержит натуралистичные описания психического расстройства, сцены насилия, суицидальных мыслей и попыток, нецензурную лексику.

2. Это художественное произведение. Все имена, события и учреждения вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и больницами случайны.

3. Это не медицинское пособие. Автор не является вра-

чом. Описанные методы лечения, названия препаратов и дозировки приведены в художественных целях и не являются рекомендацией.

4. Триггер-ворнинг. Текст может вызвать тяжёлые эмоциональные реакции у людей с ментальными расстройствами, переживших насилие, потерю близких. Берегите себя.

5. Если вы в кризисе. Шизофрения, депрессия, голоса в голове — это не «слабость» и не «дурь». Это болезнь. Она лечится. Не повторяйте путь Савелия, не бросайте таблетки. Не молчите.

Обратитесь к врачу-психиатру. Анонимно и бесплатно можно начать здесь:

Телефон доверия: 8-800-2000-122

Экстренная психологическая помощь МЧС:
8-495-989-50-50

Эта книга — не про то, как «исцелиться любовью». Она про то, что любовь не даёт сдохнуть, пока тебя лечат.

Ты нужен живой. Даже сегодня. Особенно сегодня.

Автор

Пролог. Тишина в уме

Тишина в уме — большой Божий дар. Как зубы. Пока свои, не замечаешь. А выдерут — всю жизнь языком в пустоту тычешься.

ПАЦИЕНТ САВЕЛИЙ

Глава 1

Тишина в уме — большой Божий дар. Как зубы. Пока свои, не замечаешь. А выдерут — всю жизнь языком в пустоту тычешься.

Савелий родился в 1976-м, при Брежневe. Когда тот умер, Савве было шесть, и он запомнил только одно: по телевизору перестали показывать «Спокойной ночи, малыши», а шла какая-то бесконечная траурная музыка. Мать плакала на кухне, а отец говорил шепотом: «Что же будет дальше?» Так Савва узнал, что взрослые тоже боятся.

Детство пахло карбидом, мокрыми подвалами и винилом. Пластинки «Весёлых ребят» отец ставил на радиоле «Ригонда» по воскресеньям. Игла шипела, и казалось, что это жарится картошка. Планшетов не было. Были октябратские звёздочки с кудрявым Лениным и пионерские галстуки, которые душили в июне. Савва носил и то, и другое, но лидером не был. Лидеры кричали, строили всех, дрались за турником. А он стоял сбоку и смотрел, как муравьи тащат дохлую гусеницу. Один не утащит. А десять — запросто. Это он понял рано.

Друзей было двое. Витька со второго подъезда и Димка Рыжий. С Витькой они воровали яблоки в садах у части. Часть была танковая, за бетонным забором с колючкой. Сторож дядя Коля делал вид, что спит в своей будке, а сам считал: если пацаны берут по карманам — ладно. Если мешками — спускал собак. Один раз Савва с Витькой полезли за антоновкой в августе. Набрали полные майки, бегут. А сзади — топот. Дядя Коля не собак спустил. Он сам бежал, красный, с ремнём.

— Стоять, сучата!

Витька майку бросил, яблоки раскатились по пыли. А Савва не бросил. Бежал и прижимал к животу кислую, твер-

дую, ворованную теплоту. Догнал его дядя Коля уже у дыры в заборе, схватил за шкирку, замахнулся.

— Дядь Коль, не надо, — сказал Савва. — Я мамке. Она болеет.

Он врал. Мамка была здоровая, работала в ателье. Но сказал так, потому что увидел: у дяди Коли руки дрожат. Не от злости. От чего-то другого.

Дядя Коля выдохнул, ремень опустил.

— Чтобы больше не видел. Ишь, мамке... А ну пошел.

Савва пролез в дыру. Яблоки домой не понёс. Сел на гаражах и ел их одно за другим, пока не свело скулы. Кислятина. Свобода.

В десять лет он влюбился в Наташу из 5 «Б». Она была на год старше, носила белые банты размером с голову и пахла ирисками «Кис-кис». Он дарил ей цветы, нарванные с клумбы у райкома. Астры, синие, пыльные. Она брала, говорила «спасибо, Саввушка» и убегала к подругам. Потом её отца-военного перевели на Дальний Восток. Савва стоял на перроне, смотрел, как поезд увозит белые банты, и думал, что вот так и умирают. Не сразу. По частям.

Много лет он вспоминал её перед сном. Пока не встретил Анастасию. Но это было уже после армии, после всего. Это была другая девушка. И она осталась.

В школе до пятого класса он был хорошистом. Любил рисовать танки на полях тетрадей по русскому. Учительница, Нина Павловна, била его указкой по пальцам: «Савельев, ты мне исчо войну тут устроишь!» А потом пришли старшие классы. Физика, алгебра, английский. Физика была как китайская грамота. Алгебру он тянул на тройки, списывая у Димки Рыжего. А английский... Англичанка, Элла Генриховна, вызывала к доске и шипела: «Savelyev, read!» А он видел буквы The table is on the floor и у него в голове начинал шуметь белый телевизор. Он не понимал, где тут table, а где он сам. Словарь был, читать умел, а говорить — нет. Будто язык к нёбу приклеили.

В Храм он заходил один раз, с классом, на экскурсию. Пахло холодом, воском и старухами. Батюшка что-то говорил про душу, а Савва смотрел на трещину в куполе и думал, что если штукатурка упадёт — убьёт. Ему было 14. О душе он не думал. Он думал, где достать кассету «Кино — Группа крови».

Он любил винил. У отца была еще «Мелодия-103» и пла-

стинки Высоцкого, запиленные до хрипа. Савва ставил «Кони привередливые», ложился на ковёр и смотрел, как крутится чёрный круг. И казалось, что это он сам крутится, а комната стоит.

Ещё он любил рынок. В субботу брал у матери десять рублей, ехал на «барахолку» у стадиона. Покупал значки, солдатики ГДР, фломастеры, которые почти не писали. А потом продавал пацанам во дворе дорожку на рубль. Навар — мороженое «Ленинградское» за 22 копейки. Бизнес.

А потом был восьмой класс. Зима. И две недели...

СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

Глава 2

Он сидел на алгебре, списывал у Димки квадратные уравнения. А в голове вдруг — Бог. Просто слово. Откуда? Он про Бога не думал с той экскурсии. А тут — Бог, Бог, Бог. Как заезженная пластинка. Он тряс головой, выходил в коридор, умывался ледяной водой из-под крана. Не помогало.

На истории — Господи Иисусе. На физкультуре, когда лез

по канату, — Пресвятая Богородица. Он не знал этих слов. Он не молился никогда. А они лезли. Без спроса, без его воли. Как муравьи из-под плитуса.

Две недели восьмого класса Савва прожил с чужими мыслями в голове.

Это было как радио, которое забыли выключить в соседней квартире. Бу-бу-бу сквозь стену. Господи... Боже... Пресвятая... Он не знал молитв. Бабушка, когда была жива, шептала что-то перед иконой в углу, но он не вслушивался. А тут слова сами приходили. Целыми фразами. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий. Откуда?

На контрольной по геометрии он выводил в тетради: Дано: треугольник ABC. А в башке: помилуй мя грешного. Рука дёрнулась, и вместо ABC он написал Бог. Зачеркнул так, что прорвал лист. Нина Павловна подошла, посмотрела.

— Савельев, ты совсем? Какой ещё Бог? Переписывай.

Он переписывал. А помилуй мя грешного долбило в виски, как сосед сверху, который вечно что-то сверлит в семь утра в воскресенье.

Он пробовал заглушить. Врубал на «Электронике-302»

«Сектор Газа» на полную. «Колхозный панк, хой!» — орала колонка. А под «хой!» — тихое, своё: Богородице Дево, радуйся.

Страшно не было. Было странно. Как если бы у тебя в кармане вдруг завёлся живой котёнок, а ты его не клал. Мягкий, тёплый, скребётся. И не выкинешь.

Матери он не сказал. Отцу — тем более. Отец бы ремнём выбил. «Что за поповщина в голове? А ну берись за ум!»

Димке Рыжему сказал один раз, на перемене.

— Диман, у меня в башке кто-то молится.

Димка затянулся «Примой» за школой, сплюнул.

— Это ты «Металлику» переслушал. У меня после неё тоже в башке Master of Puppets играет. Пройдёт.

Не прошло. Две недели. Потом однажды утром Савва проснулся. Тишина. Своя, родная, пустая. Как будто котёнка из кармана вынули. Он даже сунул руку — проверить. Пусто. И он обрадовался. Дурак.

Он тогда не придал значения. Подумал: «Глюкануло».

Если бы он тогда понял... Если бы пошёл к той бабушке в церковь у рынка, которая торговала свечками и шептала каждому: «С праздничком...» Если бы спросил: «Бабуль, а что это у меня?» Может, она бы ответила. Может, дала бы ему бумажную иконку. Может, жизнь бы пошла по-другому.

Но он не пошёл. Ему было 14. У него намечалась драка с параллельным за гаражами и новая кассета «Кино» у Витки. Не до Бога.

И Бог замолчал. Надолго.

До тех пор, пока Савва не начал кричать.

Через полгода ему приснился сон.

Зима. Такая, что сопли в носу замерзают, если вдохнёшь глубоко. Снег — синий в сумерках, хрустит как пенопласт. Гора за школой, с неё все катались на портфелях. А он — на санках. Один.

Летит вниз. Ветер в лицо — ножом. Шапка на глаза сползает. Трамлин — доска, присыпанная снегом. Подпрыгнул. Мир перевернулся. Небо, снег, небо. Упал. Мордой в сугроб. Должен был хлебнуть снега, закашляться, засмеяться. А он

— ничего.

Лежит. Снег на ресницах. А холода нет. И ветра нет. И удара не было. Будто он смотрит кино про себя. Видит: вот пацан, Савва, в синей куртке, катается. А он — не пацан. Он — в зале. Зритель.

Он во сне потрогал снег. Пальцы провалились. А кожа не чувствует. Ни мокрого, ни холодного. Как будто пальцы — чужие, резиновые. Он заорал: «А-а-а!» И не услышал. Звук был, но как через вату, из-под воды.

Проснулся он от собственного крика. Сел на кровати. Сердце — как бешеное. Потный весь, майка хоть выжимай. А за окном — июль, тополя пух гоняют.

Он выскочил на балкон. Вдохнул. И воздух — вот он. Горячий, с пылью, с бензином от дороги, с запахом жареной картошки от соседей. Он ущипнул себя за руку. Больно! Он засмеялся. Господи, как хорошо, что это сон. Как хорошо чувствовать.

Он потом неделю ходил и всё трогал. Стену в подъезде — шершавая. Перила — краска облупилась, заноза. Воду из-под крана — ледяная, аж зубы ломит. Жил.

После девятого его вызвал директор.

— Савельев, тебе в десятый нельзя. Не потянешь. Давай в ПТУ, а? На слесаря. Хорошая профессия, всегда с куском хлеба.

Мать плакала дома. Отец сказал: «И правильно. Хватит штаны просиживать».

В ПТУ было весело. Там никто не спрашивал про The table. Там были станки, мазута, и мастер Петрович, который на первом занятии сказал: «Запомните, салаги. Деталь любит ласку и смазку. Как баба». Все заржали. Савва тоже.

Выпивал он редко. Первый раз — на день рождения Витьки. Налили стакан «Агдама». Он выпил залпом, как воду. Через пять минут мир стал мягким и добрым. Он смеялся, обнимал всех, признавался Димке Рыжему в любви и уважении. А потом его рвало в кустах сирени за общежитием. Витька держал ему голову и приговаривал: «Ничо, Савва, все так начинают». Больше он так не напивался. До поры.

С девушками было сложно. Он хотел, конечно. Но подойти, заговорить — язык приклеивался, как на английском. Стоял, краснел, мычал. Девчонки смотрели, хихикали и уходили к тем, кто не мычал. А он шёл домой, брал гитару, трех-

аккордную, и брэнчал: «Звезда по имени Солнце...»

Стихи он тоже писал. В тетрадку в 48 листов. Про осень, про Наташу, про то, как «душа болит». Показывал только Димке. Димка читал, чесал рыжий затылок и говорил: «Нормально, Савва. Бабам такое нравится. Ты им читай, они и дадут».

Савва не читал. Стеснялся.

Три года пролетели. На выпускном они пили портвейн «777» на крыше общаги и орали «Перемен» Цоя. Савва думал, что вот она, жизнь. Дальше будет только лучше.

Бога в его жизни не было. Был Ленин в учебнике, был Гагарин на портрете, был Цой на кассете.

СЛУЧАЙ В АРМИИ

Глава 3

В армию Савва попросился сам. Надоело. ПТУ закончил, на заводе покрутил гайки полгода — тоска. Масло, мат, Петрович с его «деталь любит ласку». Каждый день одинаковый,

как бракованная шестерёнка. Хотелось, чтобы — бах! — и всё другое. Кино.

В военкомате спросил:

— А куда можно, чтоб подальше?

Майор с красным лицом хмыкнул:

— Дальше всех — пограницы, сынок. Тайга, Китай. Романтика.

— Годен, — сказал Савва.

Романтика закончилась через неделю в учебке под Хабаровском. Подъём в пять, отбой в десять, а между ними — «упал-отжался» и сапоги, которые жрут ноги. Портянки он мотать научился на третий день. На пятый — понял, что деды не люди. Деды — это стихия. Как мороз.

Минус тридцать. Плац. Они стоят, духи, в тонких шинелях. А сержант Кравцов, дед, ходит перед строем в бушлате и варежках.

— Что, салабоны, холодно? Родину любить надо горячо! Ложись!

И они падали в снег. Снег набивался за шиворот, таял, тёк по спине. Вставали — пар от них, как от лошадей.

Савва терпел. Думал: два года — не жизнь. Переживу.

Письма писал матери раз в месяц. Короткие: «Жив-здоров, кормят хорошо, не скучайте». Врал про «кормят». Перловка с комками и хлеб, который можно было отжимать. Масло давали по праздникам — кусок с ноготь мизинца.

А хотелось написать кому-то ещё. Девушке. Но девушки не было. Всем пацанам приходили письма с надушенными конвертами, с «жду, целую». А ему — тишина.

Он тогда не знал Анастасию. Она жила в его же городе, ходила в тот же парк, покупала хлеб в том же магазине. Может, они стояли в одной очереди за молоком. Но он писал в пустоту.

«Здравствуй, незнакомая. Если ты есть. Я — Савва. Я сейчас очень далеко. Тут сопки и очень много снега. Я охраняю сон Родины. Смешно, да? А мне не смешно. Мне тут одиноко. Если ты это читаешь — ответь. Хоть что-нибудь».

Письма он не отправлял. Складывал в тумбочку, под

установ. Потом сжёг перед дембелем. Пепел был чёрный и лёгкий. Как всё несбывшееся.

Случай произошёл за три месяца до приказа. Лето. Жарилка такая, что берцы к плацу прилипали. Они курили за курилкой — железная бочка с песком. Он, Димон из Твери и Слон, здоровый татарин. Травили байки.

Слон рассказывал, как дембельнётся и откроет шашлычку в Казани.

— Бабки лопатой грести буду, пацаны. Приезжайте, накормлю от пуза.

Савва смеялся, щурился на солнце. И вдруг — щёлк.

Как будто кто-то выключил звук в телевизоре.

Небо осталось. Сопки остались. Слон открыл рот — и тишина. Димон затянулся — дыма не видно.

Перед глазами — не темно. Сумерки. Как будто на мир надели закопчённое стекло. Всё чёткое, резкое, но — не настоящее. Декорация.

Слон машет рукой у него перед лицом:

— ...эй, Сава, ты чё завис?

Он слышит. Но с опозданием. И звук — плоский, как из старого радиоприёмника.

Запах исчез. Пропала вонь курева, пота, солярки от БТРов, которые стояли рядом. Пропал вкус слюны во рту.

Он потрогал своё лицо. Кожа есть. А ощущения, что это его кожа — нет. Будто в перчатке. Будто он — оператор, а тело — экскаватор. Рычаги двигаешь, а ковш где-то там, далеко.

В голове — шум. Не звон. Шум, как пустая частота на радио. Ш-ш-ш-ш... И сквозь него — чёткое, ледяное чувство: зло рядом. Не деды, не офицеры. Другое. Смотрит.

Это длилось секунд двадцать. Потом — щёлк. Звук включился.

— ...так я говорю, приезжайте! — орал Слон. — Сава, ты чё, солнечный удар?

Солнце било в макушку. Савва моргнул. Мир — снова цветной, громкий, вонючий.

— Нормально, — сказал он. Голос свой не узнал. Сиплый.
— Задумался.

Он никому не рассказал. Пацаны бы подняли на смех. «Душарой назвали бы». Или, хуже, — сдали бы в санчасть. А там — комиссуют. А он хотел дослужить. До конца. Сам не знал, зачем.

После этого началось.

Чистит он картошку в наряде по кухне. Нож скребёт, ко- жура вьётся. И вдруг мысль: я не здесь. Он видит свои руки, нож, чан с водой. А сам — как будто сидит в кинотеатре на последнем ряду. И смотрит фильм «Солдат Савелий чистит картошку». Скучно. Зевнуть хочется.

Или идёт в караул. Ночь, звёзды — с кулак. Тишина такая, что в ушах пищит. И он думает: я уже это видел. Не в жизни. Во сне. Или в башке. Вот сейчас из-за той сопки собака вы- бежит. И точно — шавка бездомная, хромая, выбегает. Он знал.

Но концовка не совпадала. Во сне собака лаяла и убегала. А тут подошла, села и смотрит. Он достал из кармана сухарь, бросил. Она понюхала и не стала.

Он тогда понял: будущее показывают кусками. Как трейлер. И если в трейлере герой падает с крыши — не факт, что в фильме он разобьётся. Можно успеть подбежать. Матрас подстелить.

Он стал верить в эти «трейлеры». Если видел плохой — напрягался, осторожничал. На стрельбах не лез первым. В самоволку не ходил. И доживал.

Время тоже чудило. Надо было стоять на тумбочке два часа. Зимой, в караулке. Все часы — вечность. А у него — раз, и смена. Деда злились: «Ты чё, Сава, спишь стоя?» А он не спал. У него просто два часа спрессовались в десять минут. А бывало наоборот. Пять минут до отбоя тянулись, как резина. Он смотрел на секундную стрелку — а она будто приклеилась.

Дембель пришёл в октябре. Слякоть, грязь по колено. Он ехал домой в плацкарте, в дембельской форме с аксельбантами, которые ночью пришил. На груди — значки. «Гвардия», «Отличник СА». Пустые железки.

В Москве пересадка на электричку. Он вышел на вокзал. Народ, шум, бабушки с пирожками: «Горячие, сынок!» И он встал посреди зала, закрыл глаза. Слушал. Нюхал. Гул, гарь,

пирожки с ливером, пот, духи «Шанель №5» от какой-то тётки.

Живое. Всё живое. И он — живой.

Он доехал до своего города. Пошёл не домой. Пошёл к Витьке.

Витька открыл, обросший, в трико с пузырями. Обнялись.

— Живой, братишка! — орал Витька. — А мы думали, тебя китайцы съели!

Пили водку на кухне. Витька рассказывал, как на заводе, как женился, как Димку Рыжего посадили за кражу.

А Савва молчал и смотрел на Витькину жену, Ленку. Она резала колбасу, беременная, живот торчком. И Савва вдруг подумал: я это уже видел. Не Ленку. Другую. Свою.

Но свою он ещё не встретил.

Он устроился на фабрику. Мотал катушки. Монотонная работа. Нитка бежит, бежит, бежит. Хорошо. Мозг отдыхает.

А через год он встретил Анастасию. В парке. Она кормила

голубей батоном. Крошила и смеялась, когда они дрались. У неё были тёмные глаза и очень красивый голос. Настоящий.

Он подошёл. Сердце — тук-тук. Язык не прилип.

— Не бойтесь, что на голову нагадят? — сказал он. Глу-
пость.

Она повернулась. Посмотрела. И сказала:

— Боюсь. Но они же голодные.

И улыбнулась.

И он понял: вот оно. То, что он видел в «трейлере». Только там не было запаха батона и её духов. А тут — было.

Значит, он успел. Матрас подстелил.

И началось другое кино. Про любовь.

Но плёнка с помехами уже была заряжена. Он просто ещё не знал.

Анастасии он рассказал свой сон, который его напугал в 14 лет. Они лежали у неё на съёмной, на Промзоне. За ок-

ном — завод гудел. Он курил в форточку, стряхивал пепел в банку из-под кильки.

— Представляешь, Насть, — сказал он. — Мне вот такое снилось. Что я ничего не чувствую. Вообще.

Она лежала, простынёй прикрылась до подбородка, смотрела на него. Глаза у неё были — тёмные, глубокие.

— Страшно, — сказала она. И погладила его по спине. Лопатки у него торчали, как крылья у ошипанного воробья. — Не дай Бог так.

Он потушил сигарету, лёг к ней. Обнял. Кожа у неё была горячая, живая. Пахла её духами — «Красная Москва», мать такие любила.

— Не будет, — сказал он. — Это ж сон.

Она кивнула. Помолчала. Потом сказала в потолок:

— А я в детстве тонула. На речке. Брат спас. Помню, как вода в лёгких. И тишина. Тоже ничего не чувствуешь. Только темно и тихо.

Он прижал её крепче.

— Ну вот, — сказал. — Значит, мы с тобой оба оттуда вернулись.

Она засмеялась тихо.

— Дурак ты, Савелий.

А он подумал: нет. Не дурак. Просто он тогда, в том сне, уже умер один раз. Примерил. И ему не понравилось.

Он не знал, что сон тот — это предупреждение о том, что с ним станет.

Через много лет всё будет. И снег, и гора, и вата в ушах. И он будет падать в сугроб и не чувствовать. Только это будет не сон.

Но об этом — позже.

Пока он был живой. Пока он чувствовал. Пока он курил в форточку, а рядом лежала женщина, которая его любила.

И этого было достаточно.

ПАРАНОЙЯ

Глава 4

Первый раз он понял, что за ним следят, в метро.

2001-й. Он уже год как с Анастасией. Работа — фабрика, катушки, нитка бежит. Вечером — к ней на съёмную. Она снимала комнату у бабушки на «Автозаводской». Обои в цветочек, тараканы, но своя.

Он ехал с работы. Вагон качало. Напротив сидел мужик в кожанке. Обычный. Лысина, газета «Спорт-экспресс». Савва смотрел на схему метро над дверями. А мужик — на него. Не читал. Смотрел.

Савва отвёл глаза. Посчитал до десяти. Глянул — смотрит.

Показалось.

На «Павелецкой» мужик не вышел. Савва вышел. Пошёл по переходу. Эскалатор. И спиной чувствует — идёт. Не оборачивался. Нельзя. Если обернёшься — они поймут, что ты понял.

Он вышел на улицу. Дождь. У ларька купил «Яву». Закупил. И быстро глянул назад.

Никого.

Только бабушка с тележкой и пацан с плеером.

Сердце стучало: дурак, накрутил.

Дома Анастасия жарила картошку. Пахло луком, уютом.

— Чё ты мокрый? — спросила она. — Дождь же кончился час назад.

Он не заметил. Шёл и не заметил.

— Задумался, — сказал он.

Потом стало хуже.

Телефон. Рабочий, дисковый, чёрный. Он говорил с Настей:

— Зай, я задержусь, у нас заказ горит.

И тишина в трубке. Не гудки. Тишина. Живая. Как будто кто-то третий снял трубку на параллельном и дышит.

Он шепотом:

— Алло?

Щелчок.

Настя: — Сава? Ты чего? Алло?

— Ничего. Связь барахлит.

Он положил трубку. Посмотрел на неё. Чёрная, пластмассовая. Внутри — провода, микрофон. Оператор на АТС может. Захочет — послушает. Про что он с Настей в постели говорит. Про то, как она стонет. Про слово «люблю».

Ему стало мерзко. Как будто в замочную скважину подглядывают.

Он стал говорить короче. «Да. Нет. Буду. Целую». И трубку клал первым.

Сотовый появился в 2003-м. «Сименс А50», с антенной. Счастье. Настя пищала от восторга, когда он ей эсэмэс при-

слал: Скучаю.

А он ночью лежал и думал. Сим-карта. Паспортные данные. Номер IMEI. Всё у оператора. Захочет майор какой-нибудь — распечатку сделает. Кому звонил, сколько говорил, где находился. Базовая станция всё пишет.

Он представлял: сидит майор, пьёт чай, и читает: 19:43, абонент Савельев С.В., звонок на номер..., длительность 14 минут 22 секунды. Разговор: «Зай, я купил твои прокладки...»

Майор хмыкает. И ставит галочку.

Савва вставал, шёл на кухню, пил воду. Возвращался. А мозг не затыкался: а если номер продадут? Бандитам? Базу на «Горбушке» купить можно. Там всё есть. И твой адрес. И Настин. Придут. Скажут: «Мы нашли тебя, Савелий Валерьевич. С тебя пять тысяч баксов, или жене твоей...»

Он менял симки. Раз в месяц. Покупал на рынке, без паспорта. «Левые». У приезжих, которые орали: «Сим-карты, сим-карты, Билайн, МТС!»

Приносил домой, вставлял, звонил Насте:

— Запиши новый номер. Старый выкинул.

Она злилась.

— Сава, ты параноик! Мне на работе уже говорят: «У твоего опять новый номер?» Я как шпионка какая-то!

— Насть, так надо. Для безопасности.

— От кого, Сава? От кого безопасность? Мы кто? Миллионеры?

Он не мог объяснить. Сказать: «Мне кажется, за мной следят» — она вызовет дурку. Скажет: «Я боюсь за Женю». А Женя уже был. Годовалый, в кроватке спал, пузыри пускал.

Поэтому он врал:

— По работе. Конкуренты. Промышленный шпионаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.